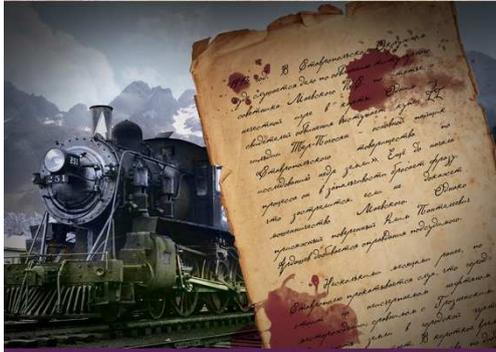

• ИВАН •

ЛЮБЕНКО

ЛИК НАД ПРОПАСТЬЮ

ИНТЕРЕСНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Иван Иванович Любенко
Лик над пропастью
Серия «Клим Ардашев», книга 6

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6888552
Иван Любенко. Лик над пропастью: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70561-0

Аннотация

Присяжного поверенного Клина Ардашева волею судеб занесло в Пятигорск, где ему предстоит не только разоблачить банду коварного кавказца Зелимхана и найти «черное золото», но и раскрыть мистическую тайну переписки древних отцов церкви. Эта тайна может предотвратить мировую войну! В руках у Ардашева, как обычно, оказывается слишком ценная информация. Настолько ценная, что жизнь присяжного поверенного висит на волоске...

Содержание

1	4
2	9
3	16
4	21
5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Иван Любенко

Лик над пропастью

1

За зеленым полем

Северокавказский край № 723, 12 сентября 1913 г. «Из зала суда»

Дело Маевского

Слушавшееся вчера в Окружном суде с участием присяжных заседателей дело по обвинению титулярного советника Маевского Поликарпа Спиридоновича по ст. 1, 670 Уложения о наказаниях (о нечестной игре в карты) закончилось только после 2 часов ночи.

Заседание представляло несомненный интерес, и свободных билетов не было. В судебной камере наблюдался полный аншлаг. Мы считаем нелишним еще раз напомнить читателям предысторию случившегося.

Итак, обвинительный акт гласил:

«8 марта 1913 года в городе Ставрополе, в помещении Коммерческого клуба, после полуночи, состоялась карточная игра в так называемую «девятку».

В числе лиц-гостей и членов собрания, принимавших участие в этой игре, были: купец II гильдии Д.Р. Тер-Погосян, советник Губернского правления статский советник А.Л. Фон-Нотбек, горный инженер Г.Н. Кампус, управляющий ставропольским отделением «Азово-Моздокского банка» Е.В. Разуваев, коллежский секретарь Ф.Н. Безгласный и поручик Неверов Н.С.

Часов около двух ночи к игравшим подошел и сел за карточный стол член Клуба П.С. Маевский — первоначально в качестве зрителя, а затем как участник игры, причем по правилам «девятки» он занял место с Д.Р. Тер-Погосяном».

Первая талия, во время которой П.С. Маевский, как удостоверил А.Л. Фон-Нотбек, куда-то выходил, — закончилась благополучно.

Когда же пришлось держать банк Маевскому, он взял несколько карт в правую руку и положил ее на край стола; левой же начал перебирать тут же лежащие деньги, якобы раздумывая, сколько ему поставить.

Затем, опустив на мгновение правую руку под стол, он поднял ее обратно и начал метать. (Первым крыл Тер-Погосян.)

Убив карту, Маевский хотел продолжить игру, но в этот момент наблюдавший за ним негоциант заметил, что количество карт у соперника сильно увеличилось.

— Поликарп Спиридонович, довольно, сегодня это не пройдет! — вскричал он и схватил его за руку. — Карты на стол! — Тот беспрекословно повиновался.

Вытащив из кармана револьвер, Тер-Погосян сказал:

— Господа, я с полной ответственностью заявляю, что Маевский — шулер. Я докажу это или пушу себе пулю в лоб.

— Извольте, сударь, немедленно извиниться, — возмутился Безгласный. — Вы оскорбили моего сослуживца, и я не могу оставаться в стороне. В случае отказа я направлю вам своего секунданта.

Тер-Погосян ничего не ответил на вызов, но предложил присутствующим вывернуть содержимое их карманов. Игроки выполнили его просьбу безоговорочно, и только один Маевский сидел не двигаясь.

— Господин Маевский, это и к вам относится, — напомнил Разуваев.

Маевский вытащил из кармана пиджака платок и поднес его к лицу, но из него неожиданно выпала карта — дама червей.

В зале повисла зловещая тишина. Все находились в смятении. И только сам виновник произошедшего, печально опустив голову, механически вычерчивал на зеленом сукне цифру «22».

Первым опомнился Ф.Н. Безгласный. Теперь непорядочность его приятеля уже не вызывала сомнений, и он немедленно извинился перед Тер-Погосяном. И оправдания были приняты.

Далее, как следует из обвинительного акта, «на предложение играющих сознаться в мошенничестве и добровольно вернуть выигрыш, П. Маевский лишь ответил, что больше не будет ходить в Клуб. Угрозы неприятностей по службе и вызова полиции не возымели на него сколько-нибудь серьезного действия. Он замкнулся в себе и не проронил ни слова.

Прибывший в Коммерческий клуб начальник Сыскного отделения Е.А. Поляничко сумел убедить Маевского признать вину, и тот, в присутствии остальных игроков, попросил у всех прощения. Но протокол в тот вечер так и не был составлен».

Однако после того как защитником г-на Маевского стал присяжный поверенный К.П. Ардашев, подозреваемый полностью отказался от прежних показаний, объясняя свое поведение растерянностью и шоком, который якобы он испытал в ту злополучную мартовскую ночь.

Именно поэтому публика с нетерпением ждала схватки между прокурором и адвокатом. И вот она наступила.

Судебное следствие открылось допросом свидетелей обвинения.

Всецело подтверждая данные обвинительного акта, г-н Д.Р. Тер-Погосян между прочим заметил, что он уже больше года следит за игрою Маевского, и она всегда казалась ему подозрительной. Свидетель предупреждал об этом и других партнеров Маевского, но они требовали от Тер-Погосяна фактических доказательств, а их на тот момент у него не было.

Отвечая на вопрос адвоката Ардашева, он подтвердил, что все игроки в тот момент находились в смятении и лишь один Маевский сидел за столом и со скорбным видом чертил мелом цифру «22» на сукне ломберного стола. И даже когда пригрозили послать за начальником Сыскного отделения, он все равно молчал.

Тут же, по просьбе прокурора, Тер-Погосяну дали колоду карт, и он продемонстрировал публике принципы игры в «девятку», объяснил, кто первым держит банк, куда садятся желающие присоединиться к игре относительно понтирующих, а также он высказал предположение, каким образом можно сделать «накладку».

Остальные свидетели со стороны обвинения лишь подтвердили, что подсудимый «со слезами на глазах просил у всех прощения». Один из них — старшина Клуба — сказал, что раньше, когда к ним навевались «гастролеры», у них были большие проигрыши — по 10 000 рублей за вечер. Насколько он помнит, самый серьезный куш — в 1000 рублей — случился у Маевского всего один раз.

Его бывший сослуживец — коллежский секретарь Ф.Н. Безгласный — пояснил, что титулярный советник посещал Клуб редко.

— Все дело в его суеверии, — сказал он. — Известно, что Поликарп Спиридонович ходил в общественное присутствие только в том случае, если вытаскивал из колоды наугад даму червей. И — удивительно! — в такой вечер ему особенно везло. А если вдруг выпадала «ведьма» — дама пик, — то и на службе он не находил себе места, и все у него валялось из рук. Боялся он и пятницы 13-го числа. Да и понедельник тоже не жаловал. Он вообще-то иногда бывает весьма странного поведения. Иной раз смотришь на него и не поймешь, что с ним такое происходит: рассеян и подавлен. А в тот день он заметно нервничал, выглядел неважно и вид имел болезненный.

На вопрос товарища прокурора г-на Бутовича о том, слышал ли он, как Маевский каялся в мошенничестве, Безгласный ответил, что отчетливо разобрал лишь те слова подсудимого, которые касались его извинений.

Отвечая присяжному поверенному Ардашеву, Безгласный подтвердил, что «восьмерка» в той талии была первая по счету.

— Во всяком случае, мы все хотели покончить это в своем кругу и не выносить эту «историю» на улицу. Мы предложили Маевскому вернуть нам деньги, но он отказался. Какое-то время мы еще надеялись, что он одумается. Вот потому-то мы и попросили господина Поляничко не составлять протокол. Но через неделю об этом случайно узнал прокурор и обязал полицию провести дознание. На следующий день Маевский сразу же подал прошение об отставке, — закончил Безгласный.

Затем выступил г-н Разуваев. За ним слушали А.Л. Фон-Нотбека и поручика Неверова Н.С.

Свидетелей обвинения сменили свидетели защиты. Тут уж собрался материал совсем иного свойства. Например, мещанин Таманцев заявил, что Маевский играл очень осторожно. Банки ставил небольшие. И за три года при нем выиграл всего один раз, что-то около 1000 рублей. Он привел сказанные однажды Маевским слова: «Счастливая талия бывает лишь один раз за вечер, и если ее не поймаешь, то тогда почти невозможно отыгаться. Лучше уйти».

Начальник Сыскного отделения Поляничко аттестовал Маевского как умеренного в деньгах человека. По его сведениям, титулярный советник жил очень скромно, а в карты играл расчетливо, полагаясь на разработанную им систему. Многие, в том числе и господин Тер-Погосян, считали, что все это обман, никакой системы нет, а все дело в обыкновенном шулерстве. Однако он подтвердил, что лично слышал, как подсудимый попросил у всех прощения. Но добавил, что речь Маевского была сумбурной и плохо понятной.

Учитель мужской гимназии М.П. Гласов также заметил, что подсудимый играл с выдержкой, а потому его не удивляли выигрыши Маевского, так как «самообладание — основной и главный залог успеха. «Девятка» — игра азартная, зависящая всецело от случая. Тем не менее, если не нарываться, можно и не проиграть. Следует только уловить тот момент, когда карта «идет» и, «поймав» счастье, — вовремя встать. Маевскому это удавалось».

Доктор М.В. Зубов, лечивший титулярного советника от нервного расстройства, показал:

— Подсудимый страдал неврастенией со всеми ее аксессуарами в острой степени, и всякие аффекты действовали на него весьма пагубно.

Все свидетели защиты охарактеризовали Маевского как человека корректного, вполне порядочного, делового, не рискованного, робкого, но добросовестного. Для них обвинение его в шулерстве — полная неожиданность.

Чрезвычайно интересное заключение дал приглашенный защитой эксперт Тимофеев. Он совсем не допускал возможности исполнения Маевским шулерской «накладки» в объяснении ее Тер-Погосяном, поскольку в таком случае Маевский должен был бы сбросить себе на колени или на салфетку нужные ему карты с тем, чтобы затем подобрать их в известном сочетании. Но, согласно показаниям Тер-Погосяна, под столом никаких карт не оказалось.

Не менее интересно и оригинально экспертиза резюмировала вопрос о талисманах.

— В клубах есть лица, которые считают полезным перед игрой перевернуть вокруг себя самого стул и тогда уж на него садиться. Другие берут со стола карты, чаще всего фигуры, кладут их в карман или на стул и потом садятся на них... Даже некоторые из прошедших здесь свидетелей поступают так же, т. е. имеют талисманы «на счастье». Заядлые же игроки — все с причудами: у одних бывает старая екатерининская монета, у других — гвоздь с подковы, а у некоторых — и конский волос. В городе есть один очень богатый человек,

который ходит даже с куском веревки от повешенного, но... его постоянно обыгрывают, — под общий смех закончил г-н Тимофеев.

Далее суд перешел к допросу подсудимого. Отвечая на вопрос товарища прокурора, откуда же у него в кармане взялась дама червей, Маевский сказал:

— Мне была с первого кону дана «пятарка» и дама червей. На эту карту я и выиграл. «Пятарку» я бросил на поднос, а даму вместе с выигрышем положил в карман. Я не скрывал, что верю в приметы, но не особенно старался это афишировать. Что ж до моих слов о «сознании» и «прощении», то я и сам не знаю, как это вышло. Я находился в сильной ажитации, и совсем не понимал, что говорю.

По служебному формуляру подсудимого выяснилось, что он начал службу в 18 лет при 12-рублевом окладе месячного жалованья. Перед выходом в отставку получал уже 145 рублей. В Казенной палате Маевский характеризуется как исполнительный и добросовестный работник.

Судебное следствие закончилось.

Товарищ прокурора предложил присяжным заседателям признать Маевского виновным. Обвинительную речь он закончил словами:

— Воздух душен. Давят тучи. Общественная атмосфера насыщена преступлениями, и со дна жизни поднимаются испарения зла. Ваш приговор, как благодатный дождь, освежит воздух, а потому мы требуем строгого и справедливого наказания.

Защитник Маевского, как всегда, был неподражаем. Мы приведем лишь завершающую часть выступления п. п. Ардашева.

— Фактическая сторона обвинения полностью не соответствует показаниям очевидцев, да и сами свидетели путаются в деталях. Например, г-н Безгласный считает, что «восьмерка» была первая по счету карта, а Тер-Погосян утверждает, что их было две; г-н Разуваев вообще заявил о некой «известной» комбинации карт Маевского. Как бы там ни было — одно ясно: Тер-Погосян целый год следил за Маевским, пытаясь доказать всем, что никакой системы выигрыша в «девятку» быть не может. И это стало его навязчивой идеей. Любое движение Маевского — будь то его выход из-за стола или наличие талисмана в кармане, — все ему не нравилось. Незаметно он и сам превратился в странного, охваченного нездоровыми подозрениями человека. Другими словами, он стал психически неуравновешен. Вот потому-то Тер-Погосян и прихватил с собой пистолет, а позже дал обещание застрелиться. Разве может здравомыслящий человек так себя вести? Я думаю — нет.

К тому же, господа присяжные заседатели, когда случилось это недоразумение, свидетелей обвинения волновал только собственный карман, а не установление истины. Что же они предприняли, когда Тер-Погосян устроил опереточный скандал? Они потребовали у Маевского назад свои выигрыши, пригрозив ему «представить случившееся по его начальству». А что значит для человека, живущего двадцатым числом, «представить по начальству»? Любому понятно — потеря службы и безденежье, что, собственно, и произошло. Да ведь и не случайно опытный начальник Сыскного отделения не стал составлять протокол. Станным ему показалось поведение подозреваемого. Вот поэтому и не спешил господин полицейский с бумагами. Я думаю, всем совершенно ясно, что мой подзащитный — человек с хрупкой и весьма ранимой психикой.

Позвольте вопрос, господа присяжные заседатели:

— Как вы думаете, а что бы предпринял г-н Безгласный, окажись он на месте Маевского?

— Всенепременно вызвал бы Тер-Погосяна на дуэль, — скажете вы.

— А как бы повел себя поручик Неверов?

— Несомненно, защитил бы свою честь оружием, которое всегда при нем, — предположите вы.

— А статский советник Фон-Нотбек?

— Мог бы попытаться доказать, что «дама червей» была всего лишь талисманом, болезнью предрассудков. Да ведь почти каждый из игроков одержим хоть каким-то, пусть самым малым, — но суеверием, — ответите вы.

— И наконец, если бы это был... Маевский? Как бы поступил он?

— Маевский поступил бы именно так, как и поступил: печально опустив голову, он рассеяно вычерчивал на зеленом сукне стола одну и ту же цифру — «22». И все. Ни слова, ни полслова... Что поделаешь, таков этот кроткий и безобидный человек.

Подойдя к присяжным, п.п. Ардашев осведомился:

— А вот теперь, господа, скажите: может ли он, — защитник указал на подсудимого, — быть циничным карточным шулером? Ответ, я думаю, ясен.

Адвокат вернулся на место. Зал взорвался громом аплодисментов. У многих на глазах выступили слезы.

После недолгого совещания присяжные заседатели вынесли титулярному советнику П.С. Маевскому оправдательный вердикт, вызвавший у него истерические рыдания.

Фалалей Паремусов».

2

Предсмертное послание

Осень приходит в Ставрополь незаметно, как подкрадывается старость или наведывается тяжелая болезнь. Небо мгновенно теряет летнюю синь и хмурится скучным серым цветом, будто на палитре невидимого художника не осталось ни одной яркой краски. Она, будто вражеский лазутчик, пытается проникнуть в город ночью, когда все спят. Но приближение ее чувствуется, и холод через открытые форточки пробирается под одеяла. И потому утром горожане, достав из сараев вторые рамы, неспешно вставляют их в окна. Пора готовиться к заморозкам.

Клим Пантелеевич Ардашев осень боготворил. И считал это следствием того, что день его рождения был именно осенью, в ноябре. Да и многие люди, оказывается, любят то самое время года, когда они родились. Вот и сейчас, сидя в любимой беседке, он отложил в сторону томик Чехова и смотрел, как падают, кружась, еще недавно такие молодые и сильные листья. А ведь прошло совсем немного времени, и каких-нибудь три-четыре месяца назад эти вишни и абрикосы гордо шелестели густыми кронами, а в них без умолку щебетали пернатые. Да, горестно подумал он, так и человек: бегаешь, суетишься, доказываешь что-то, спорит, нервничает, а потом — раз, и все, — похоронные дроги и Даниловское кладбище... А почему, собственно, Даниловское? Меня отнесут на Успенское, к родителям. Кстати, неплохо было бы заранее об этом позаботиться. Хотя, с другой стороны, — он вспомнил одну восточную мудрость «если часто думаешь о смерти, то и смерть начинает думать о тебе».

После сложного процесса всегда приходила усталость. А сложными Клим Пантелеевич считал именно те дела, успех в которых строился на эмоциях и умении убедить присяжных в невиновности клиента. Дело Маевского было одним из таких. Театр, да и только. И потому такая работа отнимала больше душевных сил, чем поиск настоящего преступника. Легче отыскать истинного злоумышленника, оправдав тем самым невиновного, чем надеяться на благодушное расположение случайных людей. Кто знает, как они поступят? Выгляди титулярный советник более самоуверенно — и неизвестно, чем бы все закончилось.

Последнее время Ардашева мучил один и тот же кошмарный сон: будто он произносит длинную речь, присяжные выносят оправдательный вердикт, раздаются овации, публика встает, а подзащитный, дождавшись, когда уляжется шум, вдруг во всеуслышание заявляет, что все злодеяния совершил именно он. Зал с ужасом замолкает, и в абсолютной тишине звучит его подробный рассказ о бесчисленных убийствах. Душегубец смотрит на адвоката и ухмыляется.

Невеселые мысли прервали чьи-то шаги. Клим Пантелеевич оглянулся — по садовой дорожке шел доктор Нижегородцев. Из кармана его сюртука торчали газеты. Ардашев поднялся навстречу.

— Давненько не заглядывали, Николай Петрович. А то заложили бы банчок.

— Да вам, насколько я знаю, и недосуг было. Вы все больше в «девятку» с судьей да прокурором, — ответив на рукопожатие, проговорил врач.

— Стало быть, слышали о деле Маевского?

— Как же! О нем только ленивый не говорит! Но есть и другие известия, — он протянул Ардашеву «Северокавказский край». — Вот, читайте.

Ардашев развернул газету. На второй странице в разделе «Епархиальная хроника» под заголовком «Благое дело» была помещена его фотография. Присяжный поверенный углубился в текст:

«13 сентября, в день престольного праздника Рождества Пресвятой Богородицы, при Евдокиевской церкви на Ташле, после Божественной литургии, Епископом Михаилом в сослужении епархиального миссионера-проповедника протоиерея Симеона Никольского, смотрителя духовного училища священников Гр. Ключарева и К. Окунева было совершено освящение нового здания церковно-приходской школы, построенного на средства супругов г.г. Ардашевых. Стройное пение хора местной церкви дополняло торжество освящения.

Присутствовали: епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ действительный статский советник И.И. Зилинткевич, советник Губернского правления статский советник А.Л. Фон-Нотбек, жертвователи: супруги г.г. Ардашевы, много приглашенных гостей, учащиеся и их родители.

По окончании Богослужения был дан завтрак. По единогласному желанию всех присутствующих послана телеграмма на имя обер-прокурора Святейшего синода с выражением верноподданнических чувств Его Императорскому Величеству как Державному Покровителю церковных школ Российской империи.

Главная заслуга в сооружении этого прекрасного во всех отношениях храма знаний всецело принадлежит супругам г.г. Ардашевым, пожертвовавшим на постройку 10 000 рублей.

Клим Пантелеевич Ардашев — присяжный поверенный Ставропольского Окружного суда — выразил пожелание, чтобы это здание являлось памятником 300-летия Царствования Дома Романовых. Нельзя обойти молчанием и теплое отношение его супруги, которая, кроме всего прочего, подарила детям прекрасную школьную библиотеку, картину с ликом Христа «Благословение детей» и новую фисгармонию. В довершение ко всему Вероника Альбертовна Ардашева выразила желание стать постоянным попечителем этой школы».

Заметив, что Ардашев ознакомился с текстом, Нижегородцев сказал:

— Вижу, Клим Пантелеевич, вы с лихвой выполнили просьбу Григория Ефимовича.

— Да, — кивнул адвокат, — и еще половину суммы я добавил от себя. Только вот владыка наотрез отказался упоминать имя Распутина.

— А я смотрю, губернатор на открытие даже Фон-Нотбека прислал. Славословил небось?

— Договорился до того, что пообещал сделать меня почетным гражданином Ставрополя... ну да бог с ним. — Присяжный поверенный вновь пробежал глазами по газетным страницам. — А нефтяная «горячка», я вижу, набирает ход. Надо же! Уже пробурили тридцать семь скважин! И все в разных местах города. Народ, по-моему, начинает совершать необдуманные поступки.

— Необдуманные? Да все просто сошли с ума! — негодуяще взмахнул руками Нижегородцев. — Чтобы купить пай «Ставропольского товарищества по исследованию недр земли», многие продают последнее, берут займы у банков, закладывают дома. И все ждут: вот-вот забрызжет черный фонтан. А господин Кампус только масла в огонь подливает, рассказывая, что, согласно заключениям горных инженеров, на Ставропольской возвышенности нефти не может не быть. Вы посмотрите, что он пишет! — Он взял у Ардашева газету и начал читать:

«Скважина в настоящее время достигла глубины в 300 саж. 4 фута при диаметре колонн в 10 дюймов, причем на разных глубинах от 90 до 300 саженой встречено более 11 прослоек горючего газа. Температура на самом дне в настоящее время равна 95 градусам по Цельсию.

Осмотренные нами породы, добытые на различных глубинах, при сравнении с грозненскими, как по цвету, так и по своему составу нисколько не отличаются от последних. На некоторых грозненских промыслах нефть стала фонтанировать только с глубины в 450 и даже 600 саженой. Как, например, на промысле Шписа.

Это последнее обстоятельство при отмеченном нами равенстве пород говорит весьма убедительно за то, что при более глубоком бурении нефть может появиться и у нас. Вследствие этого тем более не следует отчаиваться и останавливаться на достигнутых, хотя бы и безуспешных, результатах. В Ставрополе, несомненно, нефть есть. Это аксиома». — Доктор поднял глаза. — Что скажете?

— До тех пор пока Тер-Погосян является основным пайщиком Кампуса, народ будет верить увещаниям этого пройдохи. Сей негоциант — человек уважаемый. Насколько я помню, «Ставропольское товарищество по исследованию недр земли» на ладан дышало, пока в него не вступил Давид Робертович, не так ли?

— Вы правы, — закивал Нижегородцев. — Тер-Погосян трижды удивил Ставрополь. Первый раз город ахнул в прошлом году, когда узнал, что на тонущем «Титанике» был его дядя (преуспевающий американский миллионер), который, надев пробковый пояс, сумел выбраться на льдину. Однако это его не спасло — на ней он так и замерз. Второй раз, когда выяснилось, что львиную долю состояния он завещал именно своему ставропольскому племяннику. А третий, когда благодетельствованный американскими долларами Тер-Погосян внес весь капитал в упомянутое товарищество. Вот после этого и началась эта нефтяная лихорадка.

— Но куда смотрит местная управа? И почему они забросили разработки газовых месторождений? Единственная городская скважина на Варваринской площади, обошедшаяся городу в шесть тысяч рублей, поросла бурьяном. Точно так же забыт и проект Думы по отоплению и освещению газом 3-й женской гимназии.

— Да не нужно им ничего! Им бы только землеотводами заниматься да мзду брать! Шутка ли, из-за шальных поисков цена на землю выросла более чем в пять раз! Одновременно подорожала недвижимость. Это, кстати, ударило бумерангом и по самому Тер-Погосяну. Говорят, он изрядно переплатил, когда купил второй дом.

— Второй?

— Давид Робертович ушел от жены и приобрел особняк на Воронцовской, почти напротив костела. Живет со своей конкубиной. А вы разве не знали?

— Видите ли, последнее время Вероника Альбертовна с утра до ночи занята попечительством, и ей стало недосуг потчевать меня городскими сплетнями. Кстати, хотел бы надеяться, что она уже вернулась, и мы пригласим ее попить с нами чаю на свежем воздухе.

— Не стоит беспокоиться, Клим Пантелеевич, я ненадолго.

— Не прекословьте, Николай Петрович. Я угощу вас совершенно новым напитком. Это чай с вином. Тайну его приготовления я постиг в Азии.

— Вот уж не слыхал! — признался доктор. — Чай с ромом пил, с коньяком пробовал, а вот с вином никогда не доводилось.

— Сейчас мы эту несправедливость устраним. Вы посидите пока наедине с Антон Пальчем, — он кивнул на книгу, — а я схожу в дом.

Через четверть часа Ардашев вернулся. Позади него семенила горничная. На подносе высился чайник на спиртовке, несколько стаканов с блюдцами, медная сахарница, бутылочка со свежим лимонным соком, блюдец с лимонными кружочками, розетка с медом и нарезанный аккуратными ломтиками осетинский сыр. Нарядившись в белую скатерть и обставившись угощениями, старый деревянный стол заметно помолодел и даже перестал поскрипывать.

Наполнив стаканы, Клим Пантелеевич дождался, пока гость сделает несколько глотков, и осведомился:

— Ну и? Что скажете?

— Божественно! С нетерпением жду рецепта.

— Здесь нет ничего сложного. Возьмите полштофа красного вина (сухого или полусухого) и смешайте с чаем. Объем вина и чая должен быть примерно равный. Добавьте туда гвоздику (можно чуть-чуть корицы, тертого мускатного ореха) и поставьте на огонь, но до кипения не доводите. В подогретый чайный стакан положите кружок лимона, одну чайную ложку меда и один кубик сахара. Кроме того, влейте немного лимонного соку (с четверть выжатого лимона). И вот теперь залейте все заготовленной чайно-винной смесью. Но поскольку этот чайник на шесть стаканов, то я и готовлю в соответствующей пропорции. Однако хочу заметить, что на Востоке кладут лайм, а в Азии — камрак.

— Камрак? Что это?

— Его еще называют карамбулой. Вкус этого растения чем-то напоминает «заячью капусту». Внешний вид весьма своеобразный — нарезанные поперек плода ломтики похожи на пятиконечные звездочки.

— Ох, и везет же вам, Клим Пантелеевич, — весь мир посмотрели! А мы вот все больше по географическим атласам да книгам. Недавно, кстати, прочел интереснейшую статью в журнале «Вокруг Света» о Ромейском царстве и государстве Алания. А знаете, кто автор? Никогда не догадаетесь!

— Поликарп Спиридонович Маевский. Мой недавний подзащитный. Тихий и скромный титулярный советник.

— Иногда с вами становится скучно: вы все знаете.

— Так ведь он в «Читальном городе» все книги о Византии скупил.

— Ну вот, — вздохнул доктор, — ваша осведомленность, как всегда, основана на простых фактах.

— Послушайте, Николай Петрович, а «Ставропольско-Кубанское нефтяное товарищество»? Оно ведь тоже занимается поиском нефти, но делает это как-то более осмысленно, по-западному, что ли... Попутно открывая газовые месторождения, они не бросают их, а помогают использовать. Смотрите — скважина у театра «Пассаж» его же и отапливает, а другая, обнаруженная на территории завода «Салис», приспособлена для собственной рекламы: вокруг чугунной трубы, выводящей из земли газ, поставили столики и устроили шатер, а через огромные окна главного цеха видно, как на газовой горелке варят пиво. И тут же из декорированного бродильного чана с отстойником напиток разливается в литровые баварские кружки. Люди идут туда нескончаемым потоком: всем интересно узреть новое чудо техники.

— Так это заезжие. Им не остается ничего другого, как пытаться любым способом уменьшить затраты, связанные с бурением скважин. Местные власти ставят «варягам» всяческие препоны: находят формальные поводы для остановки работ. Вы же понимаете, что им больше интересен «свой» Кампус, чем пришлый чистоплюй Белоглазкин. Он хоть и русский, но учился в Лондоне, взяток не дает и верит, что Россию можно переделать на манер Англии или Франции. Только чиновники смотрят на него как на юродивого, хмыкают в ладошку и строчат предписания, заставляя приостанавливать работы по бурению. А он, будто Дон-Кихот, все продолжает бороться с ветряными мельницами.

— Сдается мне, что без вмешательства Тер-Погосяна тут не обошлось. Ему лишний конкурент ни к чему.

— Вы совершенно правы, тем более что «новоприбывшие» уменьшили стоимость каждой акции, включающей в себя сто паев. И народ принялся их скупать, отчего Тер-Погосян терпит убытки.

— Видно, Белоглазкин еще и неплохой финансист. — Ардашев повернул голову в сторону сада. — У нас, судя по всему, гости — Ефим Андреевич пожаловал.

— Поляничко?

— Он самый.

Главный сыщик губернии в сопровождении горничной приближался к беседке. Он был в старомодном длиннополом сюртуке. Его нафабранные усы резко контрастировали с седыми бакенбардами.

Ардашев шагнул навстречу.

— Милости прошу, Ефим Андреевич. Искренне рад вашему визиту.

После короткого рукопожатия старый полициант потянул носом, улыбнулся и спросил:

— Глинтвейн?

— Не совсем. Позвольте, я вас угощу.

Адвокат опустил в стакан кусочек лимона, сахар и немного меда. Добавив лимонного сока, он налил винно-чайной смеси. — А вот теперь пробуйте.

Поляничко снял котелок и положил на край стола. Сделав глоток, он невольно сморщился, но выдал улыбку.

— Пожалуй, неплохо. Напоминает микстуру от простуды, что готовят в аптеке у Байгера. Вижу, — он указал кивком на свой стакан, — ждали кого-то?

— В любой момент к нам может присоединиться Вероника Альбертовна, но пока ее нет.

Увидев лежащую на столе раскрытую газету со статьей о церковно-приходской школе, гость заметил:

— А вы, смотрю, теперь меценат. Добрыми делами занимаетесь. Это хорошо — другим пример. Я бы тоже рад, но с нашими грошами хоть бы самому прокормиться. Да-с...

Он достал серебряную табакерку, взял щепоть ароматной смеси, неторопливо растер ее между пальцами и набил обе ноздри. Прикрыв глаза, на секунду замер и тут же разразился чередой нескончаемых чихов. Седая, будто посыпанная пеплом голова сыщика судорожно затряслась.

Ардашев, хорошо знавший полицейского начальника уже много лет, терпеливо ждал, пока Ефим Андреевич закончит свой обычный церемониал и перейдет к сути вопроса, который и привел его к нему.

Промокнув слезы удовольствия, Поляничко, верный старой привычке, начал с конца:

— Вчера вечером Тер-Погосян отправился к праотцам. Умер насильственно, предупредив, так сказать, естественный ход вещей, — застрелился в собственном кабинете. В конторе был допоздна. Проникающее ранение в голову. Выстрела никто не слышал. Его обнаружил сторож. Записку напоследок оставил. Да-с... — Он вынул из кармана заношенного сюртука конверт, извлек свернутый вдвое полулист почтовой бумаги и положил на стол. — Отпечатки пальцев уже сняли. Чужих следов нет, только его.

Адвокат развернул послание. Текст, набранный на пишущей машинке, был банален: *«В моей смерти прошу никого не винить»*. Внизу черными чернилами была выведена размашистая, похожая на вензель подпись.

«Господи, — подумал Клим Пантелеевич, — ну почему все привыкли мыслить штампами? Сколько я ни сталкивался с делами о суицидах — везде одна и та же фраза. Ну могли бы придумать что-нибудь иного свойства. Допустим: «Во всем виноват только я» или «настоящим заявляю, что самолично ухожу из жизни». Нет, как-то сухо и канцелярщиной отдает. Лучше уж: «Простите, что накладываю на себя руки»... но и это слишком картинно, будто взято из скверного водевиля. А может, кратко? «Устал. Ухожу. Простите...» Да, пожалуй, это сгодится. И звучит достойно».

Ардашев поднял глаза:

— Это все?

Усмехнувшись в усы, Поляничко вытянул из того же кармана еще один конверт. На лицевой стороне было выбито печатным шрифтом: *«п.п. Ардашеву»*. Внутри, на белом листе, чернела машинопись: *«Я выполнил обещание, не правда ли?»* — и подпись.